18+

Евгений Контур

Наследие Кассиана. Книга 1

«Он пришёл не спасать королевство. Он пришёл выбрать, кем стать.»

Евгений Контур

Наследие Кассиана. Книга 1

«Издательские решения»

Контур Е.

Наследие Кассиана. Книга 1 / Е. Контур — «Издательские решения»,

Младший сын герцога Нордхейма Кассиан привык быть вторым.Добившись отправки в пограничные земли, Кассиан оказывается в крепости Тарнхолл накануне нашествия вельдов. Вождю Бьорну нужен сын герцога, «тёмная душа» из пророчества, и осада превращается в охоту за ним.Кассиан собирает союз из тех, кто не привык друг другу верить, удерживает магию, которая берёт плату кровью и беспамятством, и решает, кем станет, когда останется один.

© Контур Е.
© Издательские решения

Содержание

Наследие Кассиана книга 1 6
Глава 1. Тень над Нордхеймом 6
Глава 2. Дорога и Веллан 16
Глава 3. Ардэн и тени 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Наследие Кассиана. Книга 1

Евгений Контур

© Евгений Контур, 2026

ISBN 978-5-0071-7121-2 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-7120-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наследие Кассиана книга 1

Глава 1. Тень над Нордхеймом

Сон всегда начинался одинаково — с падения. Тело опускалось медленно, почти лениво, как на дно тёплого озера; только вместо воды со всех сторон смыкалась тьма, густая и тяжёлая, похожая на разведённый дёготь, и в ней одна за другой вспыхивали огни. Сотни. Тысячи. Одни горели ровно и ярко, другие подрагивали, будто на последнем вдохе, а от иных оставался только уголёк — уже ничего не освещал, но всё ещё тлел. Кассиан знал: это не звёзды. Так горят души.

Среди этого моря бился один огонь, схожий с его собственным настолько, что различить их не взялся бы и самый зоркий глаз. Он пульсировал в такт сердцу — туда и обратно, — и от этого ровного счёта делалось не по себе, как если бы чужая рука лежала у него на груди и вслух отсчитывала удары.

Потом появлялся голос.

— Ты опять здесь, — сказал он. Не вслух — глубже, в костях, в крови, в самом эфире, из которого сделано всё живое. Голос шёл будто сквозь стену и всё-таки звучал так отчётливо, словно говоривший сидел у изголовья. — Я думал, ты уже отучился приходить.

«Я не сам прихожу», — ответил Кассиан. Или только подумал, что ответил: во сне мысль и слово расходятся плохо, и где кончилось одно, где началось другое — не разберёшь.

— А я думал, мы сговорились. Ты живёшь свою жизнь, я — свою.

«Сговор — это когда никто не возвращается. А ты возвращаешься. Каждую ночь.»

Огоньки вокруг притихли, будто им тоже был любопытен ответ. Кассиан чувствовал: слушают. Все эти тысячи душ, застывших в тёмном нигде, ждут, чем кончится разговор. Или спор. Или всё.

— Не я. Это ты.

Кассиан хотел засмеяться, но во сне смех вышел скрежетом камня по камню. «Я тебя не зову.»

— Зовёшь. Просто не понимаешь, что зовёшь. Ты не умеешь отпускать. Никого. Никогда.

Слова ушли куда-то вниз, и от них сделалось холоднее. Кассиан хотел возразить, но не успел: сон уже перестраивался, тьма отходила в стороны, освобождая место другому.

Комната. Небольшая, тесная, с низким потолком и узким окном. За окном стояли дома — высокие, серые, без единого украшения, с ровными рядами одинаковых окон. Кассиан знал этот мир: каждую трещину в стене, каждую скрипящую половицу, каждый поворот лестницы. Знал, потому что жил здесь. Не он. Максим.

Максим сидел за столом, согнувшись над бумагами, и писал быстро, не поднимая головы. Вместо пера в его пальцах была странная палочка с шариком на конце, и на листах оставались ровные синие строки. Кассиан различал их так же отчётливо, как если бы выводил сам. Английский. Он не учил его — он его просто знал, как знал и то, что за окном сеет дождь, что батарея под окном едва тёплая, что чай в кружке остыл ещё час назад, а до экзамена три дня.

Максим поднял голову и взглянул прямо на него. Или мимо. Лицо знакомое до последней чёрточки: молодое, усталое, с тёмными кругами под глазами, волосы взъерошены, на щеке отпечаток подушки. Вид у него был такой, будто он не спал третьи сутки и всё это время куда-то себя гнал, зная, что в конце его ждёт либо ответ, либо конец.

— Опять ты, — сказал Максим. Голос глухой, будто из-за стены. — Я почти дописал. Дай закончить.

«Что ты пишешь?»

— Не твоё дело.

«Наша связь — моё дело. Или ты забыл, чем кончилось в прошлый раз?»

Максим отложил палочку, потёр глаза — и сразу подобрался. Кассиан видел этот переход сотни раз: спина выпрямилась, плечи развернулись, руки легли на стол, ровно и спокойно. Так собирается человек, которому сейчас скажут что-нибудь неприятное.

— Ты боишься. Я чувствую. Что стряслось?

Отвечать не хотелось, но сон — не то место, где что-нибудь утаишь. Особенно от себя самого.

«Отец уезжает. В столицу. А меня оставляют здесь.»

— И? Тебе семнадцать. Взрослый мужик.

«Взрослый мужик, которого кормят с ложечки и спрашивают, не холодно ли ему спать.»

— А ты попробуй однажды ответить «холодно». Посмотришь, что будет.

«В этом мире я младший сын. Никто. Пустое место. Наследник — Дэррик, будущий герцог, гордость рода. А я при нём довесок.»

Максим хмыкнул, откинулся на спинку и сложил руки на груди. Стул под ним скрипнул — старый, деревянный, с потёртой обивкой. Кассиан знал этот скрип наизусть, как знал и привычку Максима сидеть вот так, чуть свысока глядя на собеседника. Не из высокомерия — просто привычка.

— Обязательно быть наследником? Можно ведь просто жить. Учиться. Ездить по свету. Влюбиться в конце концов.

«Я и хочу жить. Просто здесь всё иначе устроено: ты или кто-то, или никто. А я никто.»

— Ты сам загнал себя в этот угол. Никто тебя туда не гнал. И уж точно не отец.

Кассиан промолчал. Максим был прав, и бесила не сама правда, а то, с какой невозмутимостью она произносилась: будто прочитанная по книге, будто известная заранее. Так говорят с человеком, которого видят насквозь — вместе с его страхами, сомнениями и тем, что он прячет даже от себя.

— Слушай, — голос Максима смягчился. — Ты говорил, отец кого-то посылает в объезд герцогства. Почему не тебя?

«Наследник — Дэррик. Ему так положено.»

— А если Дэррик не поедет? Если ты предложишь себя?

«Отец не согласится. Мать и подавно.»

— Мать тут ни при чём. Она не тебя не жалует, она боится. Ты стал другим. Слишком другим, и она не знает, что с этим делать.

Кассиан вздрогнул. Максим попал в самую точку. Мать смотрела на него так, будто перед ней чужой: то с жалостью, то с опаской, то с досадой, которую она прятала плохо. Будто он был ошибкой. Будто в детстве, когда он болел, когда умирал, что-то пошло не так и его вытащили не тем, кем следовало, — просто другим.

— Её разрешение тебе не нужно, — сказал Максим. — Поговори с отцом. Наедине, без свидетелей. Он выслушает.

«Думаешь?»

— Знаю. Он единственный, кого ты сам называл понимающим. Вот и пользуйся. Или тебе больше нравится киснуть в замке?

Сон тускнел медленно. Огни в темноте снова пришли в движение, замерцали, и Максим поднялся, шагнул вперёд — ближе, чем позволяла комната. Кассиан различал теперь каждую чёрточку его лица, каждую морщинку, каждую тень под глазами, и видел то, чего Максим не показывал днём: как он устал, как держится из последних сил и как боится — и не даёт страху выйти наружу.

— Кассиан.

«Что?»

— Поедешь — будь осторожен. Я чувствую что-то. Не пойму что, но ничего хорошего. И ещё… Ты слышал о пророчестве?

«О каком?»

— О двух душах. Одна спасёт, другая погубит. Мне попалось упоминание в одной старой книге. Кажется, это про нас.

«Чушь. Пророчества — для сказок.»

— Может, и чушь. Но бережёного Творец бережёт. Пообещай, что будешь осторожен.

«Обещаю.»

— Не ври.

«Я не вру.»

Максим улыбнулся — впервые за весь разговор. Улыбка вышла кривой, усталой и настоящей: так улыбаются те, кто знает цену своим словам и всё-таки хочет, чтобы им поверили.

— Ладно. Верю. А теперь просыпайся. Тебя, кажется, зовут.

Сон рассыпался на осколки, но прежде чем тьма сомкнулась окончательно, Кассиан успел различить среди огней силуэт: девушка, тонкая, коса через плечо, в руках лук. Она не отвела от него глаз, потом чуть улыбнулась — и пропала. Он хотел окликнуть, но не успел.

Кассиан открыл глаза.

Потолок над ним был каменный, сводчатый, с тёмными балками, уходившими в сумрак. В узкое окно с толстыми стёклами сочился серый утренний свет; где-то далеко, за двумя стенами, надрывался петух, и тянуло дымом и свежим хлебом — кухня давно работала. Камин погас, слуги ещё не заходили, и прохлада в комнате стояла такая, что дышать хотелось под одеялом.

Он сел, не торопясь, потёр лицо ладонями: во рту пересохло, в голове гудело, а сон не желал отпускать — цеплялся за мысли и тянул назад. Голос Максима всё ещё звучал в ушах, глухой и спокойный. И девушка. С косой. С луком. Кто она? Отчего он её увидел? Отчего запомнил, хотя не сказал ей ни слова?

«Поговори с отцом.»

Легко сказать. В этом мире семнадцатилетний юноша не является к герцогу и не требует разговора наедине — даже если герцог его отец. Тем более младший сын. Тем более когда мать смотрит на него как на чужого, а замок шепчется за спиной: «Странный стал. После болезни. Не такой, как прежде».

Кассиан скинул одеяло и опустил ноги на пол. Камень был гладкий, отполированный до блеска и холодный. Он поёжился, нашарил под кроватью мягкие домашние туфли — старые, разношенные по ноге, и слуги давно предлагали заменить их на новые, а он отмахивался. Привык.

Комната, которую он занимал, была в замке не самой большой и не самой маленькой: что-то среднее между покоями наследника и гостевыми. Символично, если вдуматься, — младший сын всегда посередине. Не на первых ролях, но и не в дальнем углу, не наследник, но и не чужой.

Стены украшали гобелены — выцветшие, с обтрёпанными краями. На одном охотник добивал копьём вепря, на другом шла какая-то битва, которую из-за ветхости уже не разобрать, на третьем остался один геометрический узор. В детстве они казались ему полными тайн. Теперь это были старые тряпки, давно просившие замены, — он глянул на них и не стал задерживаться.

Он подошёл к окну и отодвинул тяжёлую штору. Двор уже жил: слуги сновали между кухней и кладовой, кухарка волокла корзину с овощами, конюх вёл в поводу гнедого жеребца, и жеребец косил глазом на всё сразу. За крепостной стеной лежали поля — серо-зелёные, в утренней дымке.

Замок Нордхейм. Родовое гнездо, каменная твердыня на границе с землями вельдов — триста лет. Здесь родился отец, здесь родился Дэррик, здесь родился и сам Кассиан; здесь же ему, скорее всего, предстояло прожить остаток дней — если ничего не переменится, если он не решится, если не сделает шаг.

Первый герцог, Айрин I, пришёл сюда с войском, отогнал вельдов, поставил замок и назвал его Нордхейм — «Северный дом». С тех пор Нордхеймы держали границу: не самые богатые, не самые влиятельные, зато из тех, кто не отходит. Про такое говорят: камень, а не люди.

Кассиан отвернулся от окна и шагнул к умывальнику — медному тазу на деревянной подставке, рядом кувшин. Вода была ледяная; он плеснул себе в лицо, растёр. Кожа загорелась, зато в голове прояснилось, и сон отступил — нехотя, но окончательно.

Одеваться самому для человека его положения считалось почти неприличным. Кассиан на это давно махнул рукой: слуги и без того делали немало — пусть хоть рубашку натянет без чужой помощи, хоть в этом останется сам.

Рубашка была льняная, с вышивкой на вороте; штаны — тёмные, суконные; сапоги — высокие, с пряжками. Он сел на край постели и взялся за шнуровку. Пальцы слушались плохо, двигались медленно, словно ещё не проснулись.

Мысли тоже не желали униматься. Там, у Максима, он был никем — обычным парнем, студентом, который сдаёт экзамены и пьёт остывший чай. Здесь он младший сын герцога: вроде и не последний человек, а всё равно не первый. Одно не сахар, другое не выбор.

«Ты можешь просто жить», — сказал Максим.

Легко ему говорить. В мире, где нет титулов и долгов перед родом, где нет косых взглядов матери и вечного сравнения с безупречным старшим братом, — в мире, где можно просто жить, не оглядываясь и не боясь, что ты недостаточно хорош.

Кассиан поднялся, одёрнул рубашку и подошёл к зеркалу — небольшому, в бронзовой раме. Из зеркала на него глядел молодой человек: высокий, выше среднего, худощавый, но не тощий, с широкими плечами — сказывались ежедневные упражнения с мечом. Лицо вытянутое, скулы острые, глаза серо-голубые и внимательные, волосы тёмно-русые, чуть волнистые, падают на лоб. Он отвёл их назад; они упрямо вернулись.

Красавцем его не назвал бы никто: слишком острые черты, слишком серьёзный для семнадцати лет взгляд. Впрочем, и уродом тоже. Так, обычный — незапоминающийся. Идеальный для младшего сына: чтобы не замечали, чтобы не мешал.

Он усмехнулся отражению — уголки губ дрогнули чуть-чуть.

— Ну что, — сказал он вслух. — Дотянул до семнадцати. Поздравляю. Что дальше?

Отражение промолчало. Зеркала не отвечают — особенно когда ответа не знаешь сам.

В дверь постучали.

— Входи, — бросил Кассиан, не оборачиваясь.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в неё протиснулся поднос. За подносом появился Тим — личный слуга, парень лет девятнадцати, с вечно взъерошенными волосами и вечно виноватым лицом. Он служил Кассиану с двенадцати лет, с той поры, когда мальчика перестали считать ребёнком и разрешили иметь своего человека; с тех пор он всегда был рядом. Тенью. Помощником. Другом, если так можно сказать о слуге, — но Кассиан давно перестал видеть в нём слугу. Тим был Тимом. Своим.

— Доброе утро, господин, — Тим поклонился и едва не уронил поднос: кувшин с горячей водой поехал в сторону, чашка звякнула, ломоть хлеба съехал с тарелки. Гость удержался на подносе. — Я принёс завтрак. И воду для умывания.

— Ставь на стол, — сказал Кассиан. — И хватит кланяться всякий раз. Мы не на приёме у короля.

— А если он заглянет? — спросил Тим с искренней тревогой. — Я же совсем не готов.

— Тогда я представлю тебя как человека, который дважды в день роняет мой завтрак.

— Один раз, господин. Второй был поднос.

Тим улыбнулся — виновато, как улыбался решительно всему, — и поставил поднос. Притворил за собой дверь, подумал и поклонился ещё раз, уже из-за порога: удержаться не сумел. Двигался он быстро и при этом осторожно, будто боялся что-нибудь разбить, кого-нибудь разбудить или потревожить тишину, которая была не его.

— Господин, — начал он, помявшись на месте. — Нынче утром герцог собирает всех в большом зале. Говорят, будет важное объявление.

Что-то под рёбрами сжалось. Кассиан не любил этого чувства: оно приходило раньше мыслей и всегда оказывалось право.

— Что за объявление?

— Не знаю, господин. Только там уже все собрались. Госпожа герцогиня, молодой господин Дэррик, даже госпожа Лариса пришла.

Лариса. Старшая сестра, «Роза Нордхейма» — так её звали при дворе, и она носила это прозвище без всякого старания, просто потому что другого ей не подходило. Единственная в семье, кто говорил с Кассианом без снисходительной жалости и без плохо скрытого раздражения. С любопытством — да. С сочувствием — бывало. Но никогда с презрением: она умела видеть и то, что различала в брате, её скорее забавляло, чем пугало.

— Хорошо, — сказал Кассиан. — Скажи, что я подойду. Дай мне десять минут.

— Конечно, господин. — Поклон, ещё поклон, и Тим выскользнул за дверь.

Кассиан подошёл к столу, отломил хлеба, налил воды в чашку. Есть не тянуло, но надо было: впереди разговор с отцом — может, тот самый, к которому подталкивал Максим. Может, тот самый шаг.

Он откусил, прожевал, глянул в окно. Небо хмурилось, птицы летали низко. К дождю. К переменам.

«Если поедешь, будь осторожен», — сказал Максим.

Кассиан ещё не знал, поедет ли, но что-то внутри — тёмное, неспокойное — подсказывало: нынешний день переменит всё. Не обязательно к лучшему. Но переменит.

Большой зал был самым просторным помещением цитадели: высокие своды, узкие окна-бойницы, массивные колонны под потолком. Факелы на стенах зажигали только по праздникам, и в это серое утро они не горели — свет шёл из окон, тусклый и рассеянный, ложился на каменный пол длинными полосами, и в этих полосах медленно кружилась пыль.

Кассиан вошёл через боковую дверь, надеясь остаться незамеченным. Не вышло: его приметили сразу. Слуги у стен поклонились. Двое дальних родственников, которые гостили в замке четвёртый месяц и, судя по их довольным лицам, собирались гостить четвёртый год, обернулись с живейшим интересом. Дэррик, стоявший у окна рядом с отцом, бросил на брата быстрый взгляд и чуть кивнул — сдержанно, по-деловому. Он всегда был такой: собранный, точный, безупречный. Лишних движений не делал, лишних слов не говорил, просто был — и этого хватало.

Отец, герцог Айрин Нордхеймский, стоял посреди зала у большого дубового стола, где были разложены карты и свитки. Высокий, широкоплечий, с проседью в тёмных волосах, он выглядел ровно так, как и должен выглядеть герцог: уверенно, спокойно, тяжело. Подле него — мать, герцогиня Элина: худая, прямая, губы плотно сжаты. Она глядела на Кассиана, и в этом взгляде было такое, от чего хотелось спрятаться. Не злость, не ненависть — хуже. Отстранённость. Так смотрят не на сына, а на чужого. На ошибку, которой не должно было быть, но которая есть.

Кассиан знал почему. Она боялась — не его, себя: своих чувств, своей любви, потому что любить его было больно. Он служил напоминанием о том, что было и чего не сбылось; он выжил, но вернулся другим — не тем, кого она хотела и ждала. И она не знала, как с этим жить.

Лариса сидела на скамье у стены, подле неё — служанка. Заметив брата, девушка улыбнулась и помахала рукой, ничуть не смущаясь торжественностью минуты. Кассиан кивнул в ответ. Лариса была единственной, кто не пытался его переделать: может, потому, что и сама не была идеальной — просто прятала это лучше прочих.

— Кассиан, — голос отца разнёсся по залу, — подойди.

Он подошёл, остановился шагах в трёх от стола и поклонился — как положено: не слишком низко, но и без пренебрежения.

— Ваша светлость. Матушка. Дэррик.

Отец кивнул. Мать не ответила. Дэррик улыбнулся — дружелюбно, с оттенком превосходства, которое он, надо отдать ему должное, никогда не выказывал словами. Старший брат не был с Кассианом груб, но и близок не был: между ними лежала пропасть, вырытая годами. Дэррик — наследник, гордость семьи. Кассиан — второй сын, запасной, тень, которой не сделаться светом.

— Мы собрались, — начал отец, — обсудить важное дело. Король болен. Регентский совет созывает в столицу всех герцогов и влиятельных лордов. Я должен ехать.

Внутри у Кассиана что-то сжалось. Он знал об этом, но знать — одно, а слышать подтверждение — другое: слова падали в тишину зала тяжело и окончательно.

Королевство походило на старый дом: король — крыша, герцоги — стены, бароны — комнаты, крестьяне — фундамент. Протекает крыша — стены держат. Падают стены — рушатся комнаты. Гниёт фундамент — рушится всё. Крыша протекала. Герцоги наблюдали и ждали, кто-то метил на трон, кто-то хотел независимости, кто-то просто выжить. Нордхеймы стояли на границе, у них были вельды и война, на игры времени не оставалось — но игры уже начались.

— Дэррик поедет со мной, — продолжал отец. — Как наследник он обязан там быть. Это важно для будущего герцогства.

Дэррик выпрямился, и в глазах у него мелькнула гордость. Кассиан не завидовал: он знал, что быть наследником — не только привилегии, но и обязанности, тяжёлые, порой неподъёмные. Он просто чувствовал что-то — где-то глубоко, под рёбрами.

— А я? — спросил он. Голос прозвучал ровно. — Что делать мне?

Отец глянул на жену. Мать отвела взгляд.

— Ты останешься здесь, — сказал отец. — Замок нельзя оставить без присмотра. Лариса поможет тебе с хозяйством.

Кассиан кивнул. Ожидаемо. Предсказуемо. И всё-таки обидно — не оттого, что оставляли, а оттого, что никто и не подумал спросить, чего он хочет сам. Решили за него. Без него.

— А как же объезд герцогства? — спросил он вдруг. — Отец, ты сам говорил: кто-то из семьи должен объехать вассалов. Показать, что герцогская власть на месте. Собрать налоги, вершить суд. Ты собирался послать Дэррика.

Отец нахмурился, и складка между бровями стала глубже.

— Собирался. Но теперь Дэррик едет со мной в столицу. Объезд придётся отложить.

— Или послать кого-то другого, — сказал Кассиан. — Меня.

Тишина встала густая, звенящая. Мать резко вскинула голову. Дэррик удивлённо приподнял брови. Лариса подалась вперёд, глядя на брата с таким интересом, будто впервые его увидела. Дальний родственник у стены открыл рот, собираясь что-то заметить, но поймал взгляд герцога и закрыл.

Отец молчал. Смотрел на Кассиана изучающе, пристрастно, будто силился понять, кто перед ним, — и не узнавал.

— Ты хочешь поехать? — спросил он наконец.

Кассиан взгляда не отвёл и кивнул.

— Хочу. Я не наследник, но я сын герцога. Этого хватит, чтобы представлять семью.

Он говорил ровно, без вызова, но и без робости, и слова его падали в зал тяжело и точно.

— Ты сам говорил, что традиция — это не обряд, а опора. Если объезд не состоится, вассалы решат, что герцогская власть ослабла.

— Ты ещё молод, — мать шагнула вперёд. Голос у неё был тонкий и звенящий, как лёд по камню. — Семнадцать лет. Тебя никто не примет всерьёз.

Кассиан повернулся к ней медленно, не торопясь, давая ей время посмотреть на него — и увидеть.

— Мне семнадцать, — согласился он. — Но я не ребёнок. Я умею читать, писать и считать, знаю законы герцогства, умею разговаривать с людьми. И поеду не один: со мной будут охрана, слуги, советники. Если ты считаешь, что я не справлюсь, скажи прямо. Только не говори, что я слишком молод: возраст — не мера ответственности.

Мать отвернулась. Плечи у неё напряглись, губы сжались в тонкую линию — и по этой линии Кассиан понял больше, чем по словам.

Отец хмыкнул. Тихо, но в тишине зала это прозвучало как удар, и впервые за утро в его взгляде мелькнула искра интереса.

— Хорошо, — сказал он. — Поговорим наедине. После завтрака. Дэррик, Лариса, вы свободны.

Мать встала и вышла первой, не оглянувшись, — ей не нужно было разрешения. Дэррик пошёл за ней, бросив на брата быстрый взгляд: не то предостерегающий, не то сочувственный. Дальние родственники потянулись следом, переговариваясь шёпотом; один из них, судя по лицу, уже готовил версию событий для кухни.

Лариса задержалась. Подошла к Кассиану, коснулась его руки — пальцы у неё были тёплые и лёгкие, свои.

— Смело, — шепнула она. — Может, даже слишком. Но правильно.

— Ты сегодня первая, кто это сказал.

— Я и есть первая, кто умеет считать, — она скользнула взглядом по залу. — Вон сколько народу ты заставил замолчать одной фразой. Запомни это чувство, будешь им пользоваться.

И вышла.

Они остались вдвоём. Большой зал сразу сделался огромным, пустым и давящим, будто не зал это был, а целый мир — и в этом мире только двое: отец и сын, вопрос и ответ. Отец обошёл стол, встал рядом и положил руку сыну на плечо. Тяжёлую, тёплую, как якорь.

— Ты изменился, — сказал он тихо. — Не знаю, что с тобой стряслось. Не знаю, откуда ты берёшь то, что берёшь. Но я вижу: ты стал другим. Не хуже, не лучше — другим.

— Старался не в худшую сторону, — сказал Кассиан.

— Пока получается, — согласился отец. — Дальше посмотрим.

Что тут ещё скажешь? Что он не совсем тот, кем был? Что внутри него живёт вторая душа, что он никогда не бывает один? Не сейчас. Может, никогда.

— Объезд — дело опасное, — продолжал отец. — Вассалы народ непростой: кто-то захочет тобой воспользоваться, кто-то — унизить, кто-то попросту не примет всерьёз. Ты к этому готов?

— Готов, — ответил Кассиан.

Отец кивнул, убрал руку, подошёл к столу и взял один из свитков. Свиток был тяжёлый: плотная бумага, восковая печать, запах чернил и пыли.

— Здесь список крепостей и замков, которые предстоит посетить. Маршрут. Имена. Всё, что потребуется. Поедешь через неделю, с отрядом гвардии. Возьмёшь с собой графа Веллана: он знает всех вассалов и приведёт в порядок бумаги — сам ты в них утонешь.

Кассиан развернул свиток и пробежал глазами. Список оказался длинным: Тарнхолл — крепость на юго-западе, у самой границы с вельдами; Ардэн — торговый город на востоке;

Мирт — баронство в горах; дальше ещё десяток имён, замков и деревень. За каждым именем стоял человек, за каждым местом — история.

— Тарнхолл — последний пункт, — сказал отец. — Оттуда вернёшься домой. Или останешься, если начнётся осада. Но это уже другой разговор.

— Осада? — переспросил Кассиан.

— Вельды шевелятся, — коротко ответил отец. — Бьорн собирает племена. Если он двинется на Нордхейм, первый удар примет Тарнхолл. Впрочем, до этого ещё далеко. Надеюсь.

Кассиан свернул свиток и убрал за пазуху. Бумага была холодная, и через рубашку от неё тянуло по коже.

— Я не подведу.

Слова вышли сами, раньше, чем он успел их взвесить, и повисли в зале. Отец не ответил — только чуть повёл плечом, будто от сквозняка. Под потолком шевелился ветер, во дворе кто-то перекликался с конюхом: обычные звуки, утро как утро, а под рёбрами у Кассиана сидел тугой комок, в котором разом уместились страх, азарт и желание повторить всё заново — тише и твёрже. Он не стал повторять. Обещание сказано; что бы он ни добавил, вышло бы либо похвальбой, либо оправданием.

Хотелось, чтобы отец сказал хоть что-нибудь. Любое. Даже «хорошо». Даже «посмотрим».

Отец молчал, и Кассиан уже решил, что на этом всё, — как вдруг тот заговорил.

— Знаешь, когда ты родился, я думал: вот, второй сын. Будет Дэррику поддержкой, будет надёжным тылом. А ты тылом не был никогда. Ты всегда был сам по себе. И я не знал, что с этим делать.

Кассиан молчал. Слова отца падали тяжело; так говорят признания, которых ждёшь долго и всё равно не готов услышать.

— Теперь, кажется, знаю, — отец хлопнул его по плечу. — Иди, готовься. И, Кассиан… будь осторожен. Я не хочу потерять сына.

Он повернулся и вышел. Шаги затихли в коридоре, и в зале стало так тихо, что слышно было, как потрескивает факел, хотя факелы не горели.

Кассиан остался один — посреди пустого зала, со свитком за пазухой и странным чувством в груди. Страх, азарт и что-то ещё, тёплое, почти забытое. Похожее на надежду.

«Обещай мне», — сказал Максим.

— Обещаю, — прошептал Кассиан.

И вышел навстречу новому дню.

К вечеру он сидел у себя, разложив на столе карту герцогства; свиток отца лежал рядом, придавленный кружкой, чтобы не сворачивался. Кассиан водил пальцем по извилистым линиям дорог, намечал маршрут и уже дважды сбился на одном и том же повороте — то ли дорога там шла через брод, то ли брод был вовсе на другой дороге. Тарнхолл стоял у самого сгиба карты, на краю.

Крепость на краю мира. Последний пункт.

В дверь постучали.

— Входи, — бросил он, не отрываясь от карты.

На пороге стояла Лариса — в простом платье, без украшений, с распущенными волосами. К нему она заходила редко и обычно не просто так: по делу или когда что-то чувствовала.

— Не помешаю?

— Проходи, — Кассиан отодвинул карту. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось. Просто хотела узнать, как ты. После разговора с отцом.

— Нормально, — пожал плечами Кассиан. — Он согласился. Я поеду.

— Я знаю. Он сказал матери. Она… не в восторге.

— А когда она от меня была в восторге?

Лариса поморщилась, будто от боли, но признавать правду не стала.

— Не говори так. Она просто не знает, как к тебе подступиться. Ты сам закрылся. С тех пор как переболел.

Кассиан не ответил. «Я переболел не просто так: я слился с душой парня из другого мира и теперь не совсем тот, кем был прежде» — такое не расскажешь. Такое не поймут. Такое останется внутри, как груз, который он носил с собой каждый день и каждую ночь.

— Ты давно не был на её половине, — сказала Лариса. — Не заходишь, не разговариваешь. Она думает, что ты её избегаешь.

— Может, и избегаю, — буркнул Кассиан. — Так проще.

Лариса вздохнула, встала, подошла и положила руку ему на плечо.

— Морали читать не стану, ты уже взрослый. Но, Кассиан, она твоя мать. И она тебя любит. По-своему, не так, как тебе хотелось бы. Но любит.

— Ага. Так любит, что видеть не может.

— Неправда. И ты это знаешь. — Она сжала ему плечо и вдруг улыбнулась. — Ладно. Я пришла не за этим. Хотела сказать: я буду скучать.

Кассиан поднял на неё глаза — и впервые за день искренне удивился.

— Ты?

— А что, странно? Ты мой брат. Пусть младший, пусть вредный, пусть порой невыносимый. Но брат. И я буду скучать.

Он хотел ответить что-нибудь ехидное — и не смог: в горле встал комок.

— Я тоже, — выдавил он. — Буду скучать.

Лариса наклонилась и поцеловала его в макушку — как в детстве, как всегда.

— Возвращайся живым. Обещаешь?

— Обещаю.

Она ушла, дверь закрылась мягко, шаги растаяли в коридоре. Кассиан посидел ещё немного, глядя на карту: бумага шершавая под пальцем, Тарнхолл — точка у самого края.

Потом он всё-таки встал.

Половина матери была в другом крыле, за двумя переходами и лестницей, где всегда пахло воском и сушёными травами. Он ходил туда редко и знал дорогу хуже, чем дорогу на кухню. У двери постоял, слушая, как за ней что-то тихо звякает.

Постучал.

— Войди.

Она сидела у окна с пяльцами на коленях. Не вышивала: игла стояла в полотне, нитка шла вниз и лежала на полу длинной петлёй. За окном было темно, и в стекле отражалась комната — свечи, стол, женщина в тёмном платье, — а её самой будто не было.

— Я не помешал?

— Нет. — Она не обернулась. — Садись.

Он сел на край скамьи у стены, там, где обычно сидели служанки. В комнате было прибрано так, что не к чему придраться: книга счётов закрыта, шкатулка на месте, гребень лежит ровно. Мать всегда так жила, будто в любой миг ждала проверки.

— Через неделю я уезжаю, — сказал он. — В Тарнхолл.

— Знаю. — Игла в её пальцах повернулась и опять замерла. — Отец сказал.

— Ты ничего не сказала в зале.

— А что я должна была сказать?

Он не нашёл ответа.

— «Не езди»? — Она наконец обернулась. Лицо у неё было спокойное и усталое, и глаза были его глазами, только старше. — Ты бы послушал?

— Нет.

— Вот видишь.

Она сказала это без укора. Просто назвала, как называют цену на рынке.

Кассиан смотрел на её руки. Она держала пяльцы так, будто забыла о них, и на указательном пальце была старая мозоль от иглы, маленькая, затвердевшая.

— Ты меня боишься, — сказал он. — С тех пор как я переболел.

Мать не ответила сразу, и он успел пожалеть, что сказал.

— Не тебя, — произнесла она наконец. — Себя.

— Почему?

— Потому что я смотрю на тебя и не знаю, что делать. — Она положила пяльцы на подоконник, аккуратно, как кладут нож. — Тебя учили быть младшим сыном. Меня учили быть тенью. Тень умеет стоять рядом и молчать. Тень не умеет того, что делают другие матери.

Кассиан хотел сказать, что она делает. Не смог: не знал что.

— Я помню, как ты сидела у моей постели, — сказал он. — Когда я болел. Ты не уходила.

— Я не уходила, — согласилась она. — И ничего не могла сделать. Это худшее, что со мной было.

За стеной прошёл кто-то, звякнули ключи, и стало тихо.

— Возьми. — Она вынула из шкатулки что-то маленькое на шнурке. — Это моё. Меня им не спасло, но тебя, может, спасёт.

Он взял. На ладони лежал медный кружок, потёртый до блеска с одной стороны, с дыркой у края и шнурком, который давно надо было заменить.

— Что это?

— Не знаю. Мне дала моя мать. Она тоже не знала. — Мать пожала плечами, и от этого движения стала на миг моложе. — У нас в роду женщины не спрашивают, что дают. Они берут и передают дальше.

Кассиан завязал шнурок на шее. Медь была тёплая, будто её только что держали в кулаке.

— Спасибо.

— Не благодари. — Она отвернулась к окну. — Вернись, тогда поблагодаришь.

Он встал. У двери обернулся.

— Матушка.

— Что?

— Я вернусь.

— Все так говорят, — сказала она. — Иди.

Когда он вернулся к себе, свеча догорела до половины. Он задул её. Пахнуло горячим воском, стало темно.

Он лёг. Простыня была холодная, подушки пахли травами. Сон пришёл скоро и без сновидений.

А поутру Тим растолкал его ещё до рассвета — тряс за плечо и шептал над ухом что-то торопливое. Кассиан сел, не сразу понимая, где он, и поймал себя на странном ощущении: будто ночью в голове у него переставили мебель. Всё стояло на своих местах — и всё иначе. Что именно изменилось, он объяснить не мог. Просто знал: отсюда он уедет другим человеком. И вернётся — или не вернётся — тоже другим.

Глава 2. Дорога и Веллан

Кассиан проснулся раньше, чем за окном посерело. Не от стука, не от шума во дворе — просто перестал спать, как перестают дышать, когда хватит. Одеяло сползло на пол, в комнате держалась ночная прохлада. Он сел на край постели, поставил босые ноги на половицы и посидел так, глядя, как в щелях между досками лежит тонкая тень.

Максим за ночь не окликнул его ни разу. Сон шёл ровно, без огней и без голосов, — впервые за много дней не было там никого, кто стоял бы в стороне и смотрел.

Что ж. Передышка.

Он встал, прошёл по комнате до окна и обратно, потом снова до окна. Двор внизу уже жил: двое тащили воду от колодца, конюх чистил лошадь, ворота один раз скрипнули и затворились. Стёкла запотели снизу, и через мутные пятна всё виделось смазанным — люди, навес, край стены. Кассиан потрогал подоконник. Холодный. Он вернулся к постели, вытащил из-под неё сапоги, повертел их в руках, раздумывая, и ставить на ноги не стал. Обуется потом, когда будет куда идти. Рубашка висела на спинке стула, там же, где он её вечером оставил; он накинул её, не застёгиваясь до конца, и оставил одну пуговицу в кулаке — зачем-то зажал, как монету.

На столе белел лист с перечнем поручений. Кассиан скользнул по нему глазами: почерк отца, ровный, с нажимом, три строки сверху и еще шесть сбоку. Читать не стал, сложил вчетверо и сунул под лампу. Разберётся в седле. В седле вообще думается лучше — там некуда девать руки, и голова поневоле принимается за дело.

Дверь открылась без стука, и в комнату влетел Тим.

Он был взъерошен, будто ночевал в стоге, и держал перед собой поднос обеими руками, как держат щит. На подносе дымилась каша, лежали ломти вяленого мяса и стоял кувшин с яблочным взваром. Пар от каши поднимался к потолку и расплывался в холодном воздухе.

— Господин, — выдохнул Тим.

— Я вижу, что господин. Ты поднос поставь.

Тим не поставил. Он перехватил поднос поудобнее, шагнул вперёд — и сообщил:

— Там граф Веллан приехал.

Кассиан потянулся было к ложке.

— И?

— Час уже. Дожидается вас в малой гостиной.

Ложка стукнула о край тарелки. Негромко, но Тим вздрогнул так, будто уронил весь завтрак.

— Час назад? — Кассиан поднял на него глаза. — И ты говоришь мне только теперь?

— Так вы спали, господин.

— Я спал.

— Я не хотел будить, — с достоинством сказал Тим. — Граф сам велел не будить. Сказал, подождёт. Сказал, что спешка — удел молодых и глупых, а он уже немолод.

— А ты, стало быть, у него спрашивал разрешения?

— Я спрашивал, господин. — Тим задумался, в какую сторону ему выкручиваться, и выбрал честный путь. — То есть спросил бы. Но не успел: он как-то так посмотрел, что стало ясно.

Кассиан усмехнулся. Первое впечатление о графе складывалось само собой, без его участия: человек, который не суетится, умеет ждать и, похоже, не обделён ни чувством юмора, ни снисходительностью к чужим слабостям. Впрочем, последние два — одно и то же, только с разных сторон.

— Ладно, — он поднялся из-за стола. — Доем по дороге. Веди.

— Но, господин, вы не одеты.

— А что, граф человека в рубашке не видел? Или он явится на меня смотреть, как на невесту?

Тим открыл рот, закрыл и осторожно поставил поднос на стол — так бережно, будто внутри было стекло. Кассиан шагнул к двери, потом вернулся: сапоги так и стояли у постели. Он сунул в них ноги, подтянул на ходу голенища, завязки бросил; лист с поручениями отправился за пояс рубашки, а камзол со стула остался там, где висел, — надевать его перед человеком, который приехал на час раньше срока, было бы мелодраматично, и Кассиан не мог бы сказать, кому именно адресовалась бы мелодрама.

— Чего замер? — спросил он, уже взявшись за ручку. — Идём.

Тим переступил с ноги на ногу и остался стоять. Смотрел он при этом не на дверь, а на плечо Кассиана, и по лицу было ясно: спорить он не решается, а молчать не может.

Кассиан ждать не стал. Прислонился плечом к косяку и выждал ровно столько, сколько нужно, чтобы до слуги дошло. Из коридора тянуло холодом; внизу протопили, и от лестницы шёл слабый дымный дух. Кто-то пробежал босиком по половицам — они отозвались под шагами, — хлопнула дверь на первом этаже. Потом стало тихо, и в этой тишине слышно было, как в гостиной пощёлкивают дрова.

— Там граф, — сказал Кассиан ровным голосом. — Он ждёт час. Хочешь, чтобы ждал два?

Тим дёрнулся что-то объяснить. Кассиан качнул головой: молчи, идём.

Малая гостиная была в восточном крыле, на втором этаже. Узкая комната с двумя окнами на внутренний двор, камин, длинный стол, две скамьи и кресло у стены. Здесь было теплее, чем в спальне; дрова щёлкали редко, пламя тянуло ровно, и тёплые отсветы лежали на стенах пятнами. Сквозь окна на пол ложились две длинные полосы утреннего света, в них висела пыль.

У окна, спиной к двери, стоял мужчина. Высокий. Выше отца, если мерить на глаз, и выше Дэррика. Сутулился он не от возраста, скорее от привычки нагибаться над бумагами. Седые волосы подстрижены коротко и ровно, длинное лицо повёрнуто вполоборота, ладонь лежала на подоконнике. Он смотрел во двор и не обернулся на звук двери — то ли не услышал, то ли решил не слышать.

Одет граф был просто: тёмный камзол без украшений, серые штаны, высокие сапоги. Ни золота, ни шитья, ни перстней. Единственное, что выдавало его положение, — массивная серебряная цепь на шее, а на конце её печатка, потемневшая от времени, с гербом, которого Кассиан не разглядел издалека.

Кассиан вошёл первым, придержал дверь, чтобы не хлопнула, и остановился на пороге. Тим остался за спиной, у стены.

Человек у окна не оборачивался. Кассиан тоже не спешил: постоял, посмотрел на его спину, седой затылок, на ладонь на подоконнике, и подождал, что будет дальше. От окна граф наконец обернулся. Взгляд у него был цепкий, быстрый — из тех, какими оценивают лошадь, клинок или человека в рубашке, зашедшего без доклада.

— Ваша милость. — Граф наклонил голову ровно настолько, чтобы не нарушить приличий и не уронить достоинства. Поклоном это не было. — Граф Аларик Веллан. Честь имею сопровождать вас в поездке.

— Кассиан Нордхеймский. — Титул он к имени не прибавил; все, кому это могло понадобиться, и без того знали, кто он. — Извините за задержку. Мне не сказали, что вы приедете так рано.

— Ранний приезд — не ваша вина, — откликнулся Веллан. — Я всегда приезжаю раньше срока. Так проще понять, с кем имеешь дело. Слуги, охрана и даже стены говорят о хозяине больше, чем сам хозяин.

Кассиан улыбнулся — искренне, без усилия.

— И что вам рассказали стены?

Веллан оглядел его с головы до ног, не торопясь. Задержался на рубашке, на сапогах, зашнурованных до половины, на куске хлеба, который Кассиан по дороге прихватил со стола и теперь держал в руке. Взгляда своего граф не прятал и не извинялся за него.

— Что молодой господин не любит ждать и не любит церемонии, — сказал он. — Что слуги его не боятся, но уважают. Что в замке порядок, только не казарменный. Полагаю, вторая половина — заслуга не только вашего отца.

Кассиан опустился на скамью у стола и кивком показал на место напротив. Веллан сел. Спину держал ровно, ладони положил на колени — гвардейская выправка. Военным он, насколько Кассиан знал, никогда не был: дипломат, советник, законник; человек, десятилетиями просидевший над бумагами и всё-таки сохранивший осанку. Впрочем, может, и не сохранивший — может, просто был таким всегда.

— Расскажите о маршруте, — Кассиан отломил кусок хлеба и прожевал. — Список я видел. Хочу понять, с кем придётся иметь дело.

Веллан кивнул без слов, вынул из внутреннего кармана сложённый вчетверо лист. Бумага пожелтела, углы загнулись. Он развернул её, прижал по краям чашкой и чернильницей и повернул к Кассиану: карта герцогства, сплошь в пометках. Почерк был чужой, мелкий и ровный.

— Начнём с баронства Стоун, — палец графа остановился на точке в юго-восточном углу. — Барон Олдрик. Человек старой закалки, ветеран войны на границе. За ним крепость, небольшая, и три деревни. Налоги вносит без задержек, но при каждом удобном случае напомнит, что род его древнее герцогского.

Он говорил вполголоса и размеренно, как читают лекцию — или как зачитывают приговор, если человек к этому привык. Кассиан жевал хлеб и слушал.

— По бумагам он вассал вашего отца, — продолжил Веллан. — По сути — союзник, который ценит свою независимость выше чужого удобства.

— Выходит, надо показать уважение и не дать забраться на шею.

Веллан поднял глаза и посмотрел на него — коротко, проверяя, слушает ли. Потом улыбнулся, одним движением губ, и это было одобрение.

— Верно. Вижу, вы понимаете.

— Книжки читал, — Кассиан пожал плечами. — Дальше.

— Ардэн. Восточный город, крупный торг, куда летом сходится полгерцогства. Правит магистрат, а герцогская власть там — наместник, барон Хэмиш. Из тех, кто за место держится зубами. Влияния у него нет, связей нет, есть только должность. Он будет вам угождать в надежде, что вы замолвите за него слово перед отцом. — Граф передвинул палец к востоку. — Держитесь с ним настороже. Такие предают легко, как только почуют слабину.

Кассиан отметил про себя: Хэмиш — возможная помеха. Или возможное орудие, смотря как повернуть. Он сам не заметил, что начал думать о людях, которых не видел, как о фигурах на доске; мысль была чужая, слишком аккуратная, и он её отложил, но не выбросил.

— Мирт. Горное баронство. — Палец сдвинулся к северо-западу. — Барон Гарлан. Молодой, владения достались недавно, после смерти отца. Лет двадцать пять. Говорят, честолюбив и не глуп. Норовит прирезать земли у соседей. С ним держитесь жёстко: почует слабину — примется проверять, где предел.

— А если почует силу?

— Тогда сделается союзником. Герцога он не жалует: считает, что род его оценён не по заслугам. Вельдов тоже не жалует. Дайте ему понять, что герцогство — его защита, и он будет держаться за нас.

— А если не дать?

— Тогда предаст, — Веллан сказал это так же ровно, как всё остальное. — Рано или поздно.

Вот она, первая настоящая задача: не объехать земли по кругу, а разобрать, кто из этих людей друг, кто враг, а кто просто ждёт, чья возьмёт. Объехать он бы и сам сумел. Карты он читал с семи лет.

— Тарнхолл, — сказал он и постучал пальцем по последней точке.

Веллан кивнул. Лицо у него впервые за разговор посерело — не испугался, нет; просто убрал из него всё лишнее, как убирают со стола посуду перед работой.

— Тарнхолл, — повторил он. — Крепость на границе с вельдами. Комендант — барон Стоун. Человек суровый и неразговорчивый. Говорят, за всю жизнь не проиграл ни одного сражения. Но годы своё берут: ему за шестьдесят. Крепость — ключ к юго-западным землям. Если вельды пойдут войной, первый удар примут там.

— Вы верите, что вторжение будет?

Веллан помедлил. Смотрел на карту долго, будто искал на ней ответ, которого там не было, и это молчание сказало Кассиану больше, чем сказали бы слова.

— Я верю, что Бьорн сколачивает племена, — ответил он наконец. — А раз сколачивает — рано или поздно двинется. Вопрос только в том, когда. Ваш отец считает, что у нас есть год, от силы два. Я бы сказал — меньше.

— С чего вы взяли?

— Вельды не глупы. Они видят то же, что и мы: королевство слабеет, король болен, регентский совет грызётся за власть. Герцогство — единственная настоящая сила на всём юго-западе. Захочет Бьорн победить — ударит сюда. И ударит скоро.

Кассиан откинулся на спинку скамьи. Стало быть, вот как. Война, о которой отец говорил вполголоса, в кабинете, при закрытых дверях, — не за горизонтом. Она стоит за ближней горой и ждёт, пока дороги подсохнут.

— Что ж, — сказал он. — Тем занятнее.

Граф поднял бровь.

— Занятнее?

— А вы предпочитаете скуку?

Веллан хмыкнул. Впервые за разговор — всерьёз, без сдержанности. Из него точно вынули на минуту палку, на которую он опирался лет тридцать, и он сам этому удивился.

— А знаете, ваша милость, вы на своего брата не похожи.

— Это в похвалу или в укор?

Веллан не ответил сразу. Откинулся на скамье, сложил руки на груди и смотрел на Кассиана без усмешки, будто ещё раз всё взвешивал и никак не мог подобрать гирю. В камине щёлкнуло. За окном кто-то во дворе окликнул конюха, разобрать можно было только интонацию — ругались или звали. Полосы света на полу стали шире и дотянулись до скамьи.

Кассиан глаз не отвёл и первым не заговорил. Ждать его здесь учили с детства, и не только за обеденным столом.

Пауза тянулась. Где-то в глубине замка хлопнула дверь.

— Ещё не решил, — сказал граф и убрал карту в карман. — Расспросы закончены. Когда выезжаем?

— Послезавтра. Поутру.

— Добро. Буду ждать у ворот. — Он встал, оглядел Кассиана ещё раз, с головы до ног, и уже на выходе добавил: — И ещё, ваша милость. Прихватите тёплый плащ. В горах холодно даже летом. И книгу возьмите. Путь долгий, а беседы с охраной вам скоро наскучат.

— Учту.

— И последнее. — Граф задержался в дверях. — Не пытайтесь понравиться всем сразу. Это дорого и никого не обманывает.

— А кого обманывает?

— Меня. Иногда. — Он вышел и прикрыл за собой дверь тихо, без стука.

Кассиан ещё посидел немного, глядя на стол, на карту, которой там уже не было, на чашку и чернильницу.

Тим выглянул из-за косяка.

— Господин?

— Что?

— Он страшный, — сказал Тим с убеждением человека, который долго думал и наконец сформулировал.

— Он граф.

— Я и говорю.

Кассиан рассмеялся, поднялся и пошёл к лестнице. Впереди было два дня сборов, разговор с отцом, письмо отцу в столицу — короткое, в три строки, без всякой там сыновней тоски, — и ещё десяток дел, которые он придумает себе сам, чтобы не сидеть без дела. Плащ, книга, кристаллы-резонаторы, свирель.

Он шёл по коридору и мысленно составлял список. Список получался длинный, и это было хорошо. Пока список длинный, думать о другом не приходится.

Два дня прошли в хлопотах, которых Кассиан не любил, но переносил.

Он составил список сам, не доверяя это никому: плащ — тёплый, с подкладкой из плотной шерсти, Веллан прав насчёт гор; книга — он выбрал трактат по истории Нордхейма, толстый, с закладкой на середине, купленный ещё в прошлом году и с тех пор прочитанный ровно до закладки; кристаллы-резонаторы, девять штук: по три красных, синих и зелёных, в кожаном футляре с девятью гнёздами; свирель из тёмного дерева — старая, с трещинкой у самого мундштука, её сделал ему старый мастер, когда Кассиану было восемь; меч и кинжал. Всё прочее он оставил на усмотрение Тима, и это было самой большой ошибкой за неделю.

Тим отнёсся к поручению с такой серьёзностью, что через час Кассиан пожалел, что вообще открыл рот. Слуга трижды пересчитал мешки, дважды сверил список с самим собой, потом с Кассианом, потом опять с собой, и один раз уронил поднос с провизией прямо посреди двора. Каша вылилась на камень, курица уехала под ноги лошадям, а кувшин уцелел — единственный, кому повезло. Кассиан ничего не сказал. Только посмотрел. Тим покраснел до корней волос, опустился на колени и принялся складывать курицу обратно на поднос. Потом передумал, вытер руки о рубаху и начал заново.

— Господин, — сказал он вечером, когда мешки уже стояли у стены и пересчитывать было нечего. — А если я что-нибудь забуду?

— Тогда я что-нибудь забуду без.

— А если граф заметит?

— А ты не забывай.

Тим кивнул так, будто получил приказ, и ушёл повторять список.

Мать не пришла проводить. Кассиан не удивился: она вообще не выходила во двор, когда кто-то уезжал. Отец пришёл, коротко обнял его — крепко, до хруста в плече, — хлопнул по спине ладонью и сказал, что верит в него. Про объезд он больше не говорил ни слова, и за это Кассиан был ему благодарен. Лариса прибежала с распущенными волосами, без платка, будто и не собиралась выходить к людям, сунула ему в ладонь амулет из синего камня — тёплый от её руки — и шепнула: «На удачу». Он хотел сказать, что в удачу не верит, но вместо этого сжал камень в кулаке и пообещал, что вернётся.

С Дэрриком они встретились у конюшни. Кассиан проверял седло Уголька, затягивал подпругу через палец — конь косил на него карим глазом и переступал, не желая стоять смирно.

— Уезжаешь? — Голос из-за спины.

Кассиан обернулся. Дэррик. Дорожный камзол, меч на поясе, начищенные до блеска сапоги, и улыбка при нём — та самая сдержанная улыбка, которой он в совершенстве владел с четырнадцати лет.

— Уезжаю.

— Отец сказал. Объезд? Тарнхолл?

— Объезд. Тарнхолл.

Дэррик помолчал. Смотрел на брата, будто примерял к нему что-то, и, судя по лицу, не сходилось.

— Слушай, — начал он тише, чем обычно, и в голосе у него не было ни капли той уверенности, к которой все привыкли. — Я знаю, что ты обо мне думаешь. Что я идеальный. Что мне всё легко. Что я не понимаю, каково это — быть вторым.

Кассиан молчал, держась за седельный ремень.

— А я понимаю. Потому что я тоже второй. Второй после отца. Второй после деда. Второй после всех, кто был до меня и чьи портреты висят в галерее. — Он усмехнулся, коротко и без веселья. — Разница в том, что я умею это скрывать. Лучше, чем ты.

Он шагнул вплотную и положил руку Кассиану на плечо. Тяжёлую, тёплую, неожиданную настолько, что Кассиан чуть не отступил.

— Будь осторожен. Там вельды, и они не игрушка. А если что-то случится — пришли весточку. Хоть с гонцом, хоть с мальчишкой, хоть с курицей. Я приеду. С людьми, с оружием, с отцом, если понадобится.

Кассиан смотрел на него и ждал внутреннего возражения — того привычного, что всегда поднималось, стоило Дэррику сказать что-нибудь хорошее. Возражения не было. Он кивнул.

— Спасибо.

Дэррик убрал руку, улыбнулся криво, по-человечески, и пошёл прочь — к карете, к отцу, к столице. Кассиан ещё постоял, глядя, как карета уменьшается на дороге; пыль за ней оседала медленно, длинной полосой. За спиной переговаривались гвардейцы, звенела упряжь, кто-то проверял подпруги и заодно бранил конюха. Уголёк переступил с ноги на ногу и потянул поводья из руки — будто спрашивал, скоро ли.

Утро держалось холодное и ясное. Над башней тянулся дым: в замке топили. Веллан стоял рядом, не торопил и поглядывал то на дорогу, то на Кассиана — коротко, без нажима.

Поворот проглотил карету. Ворота стояли распахнутыми, за ними начинался тракт — пустой, серый, длинный.

Кассиан положил ладонь на луку седла.

— Ваша милость? — окликнул Веллан. — Готовы?

Кассиан тряхнул головой, отгоняя то, что ещё тянуло его назад — к замку, к сестре, к синеве камня в кулаке.

— Готов. Выступаем.

Отряд двинулся. Копыта застучали по каменной дороге, потом по земле; замок остался позади — сначала большой, потом меньше, потом точкой на горизонте, и Кассиан ни разу не обернулся. Только раз сжал в кулаке амулет так, что камень врезался в ладонь.

Дорога вилась через поля и перелески. Утро было ясное и прохладное, пахло травой и росой; в кустах у обочины возились птицы, гвардейцы переговаривались вполголоса, кто-то шутил, кто-то проверял оружие просто от скуки. Тим дремал на телеге, подложив под голову мешок с провизией, и во сне держался за него обеими руками.

Кассиан ехал рядом с Велланом и молчал. Граф тоже не спешил начинать разговор; так они проехали часа два, прежде чем он заговорил:

— Вы никогда не покидали Нордхейм надолго?

— Нет, — Кассиан не стал выдумывать. — Дальше соседней деревни не выбирался.

— И как ощущения?

Кассиан задумался. Смотрел на дорогу, на пыль, которая вилась за копытами и оседала на сапогах, на серую ленту тракта, уходящую в никуда.

— Странные, — сказал он наконец. — С одной стороны, свобода. Я в первый раз в жизни еду туда, куда сам захотел. С другой — за спиной как будто кто-то стоит и записывает. Раньше я был младшим сыном, и с меня взятки гладки. Теперь я представляю герцога. Всё, что я скажу или сделаю, ляжет на весь род.

— Это правильное ощущение, — сказал Веллан. — Многие в вашем положении о нём забывают. Думают о приключениях.

— А вы?

— Что я?

— Вы тоже были молоды. С чего начали — с приключений или с ответственности?

Веллан усмехнулся. Глаза у него на миг стали отсутствующими — он ушёл куда-то далеко, в те времена, где ему было девятнадцать.

— С приключений, — сказал он. — И закончились они быстро. Отец отправил меня в Ардэн с поручением; он полагал, что я справлюсь. Я тоже так полагал. А потом меня обокрали в первой же таверне, куда я зашёл поужинать, — оставили без денег, без документов и без коня. Всё, что у меня было, поместилось в чужой карман.

— И что вы сделали?

— Пошёл работать. Хозяин таверны оказался честным человеком — взял меня в обмен на кров и еду. Я мыл посуду, колол дрова, чистил стойла. Три недели. К концу третьей недели я умел чистить стойло так, что ни одна лошадь на меня не обижалась.

— И потом?

— Потом приехал отец и выкупил меня. — Веллан произнёс это без всякого стыда, как произносят цену за хорошую работу. — И я усвоил три правила. Первое: никогда не хвастайся деньгами. Второе: всегда держи запасной кошелёк там, где его не ищут. Третье: не доверяй первому впечатлению. Люди редко бывают теми, кем кажутся, — и это работает в обе стороны.

— Полезные правила.

— Надеюсь, вам не придётся усваивать их на собственном опыте.

— А если придётся?

— Тогда считайте это платой за образование. Университеты берут деньгами, жизнь — опытом. Иногда выходит дороже, чем в университете.

Кассиан хмыкнул. Впереди на дороге что-то мелькнуло — заяц перебежал тракт и пропал в траве, — и гвардеец за спиной лениво сказал, что заяц к дождю. Веллан ответил, не оборачиваясь, что заяц к зайцу, и гвардеец замолчал.

— А четвёртое правило есть? — спросил Кассиан.

Веллан посмотрел на него внимательно, будто прикидывал, стоит ли награждать его четвёртым правилом.

— Есть. Никогда не спорь с трактирщиком. Он может плюнуть в еду.

— Вы это проверяли?

— Дважды. Первый раз случайно. Второй — из любопытства.

— И как?

— В первый раз не заметил. Во второй заметил. С тех пор не спорю.

Кассиан рассмеялся — тихо, искренне, впервые за эти дни. Веллан тоже, едва заметно, но по-настоящему.

— А пятое?

— Пятое — самое важное. Никогда не ешь снег, который лежит не белым.

Кассиан повернулся в седле.

— Какой?

— Забудьте. Это не из ваших краёв. — Граф смотрел прямо перед собой с совершенно непроницаемым лицом. — Просто не ешьте. Мало ли, куда вас занесёт.

Кассиан хотел переспросить, но передумал. Запомнил. На всякий случай.

К полудню дорога свернула в лес. Деревья сомкнулись над головами, отбрасывая густые тени; стало прохладнее, и пахло уже не травой, а сырой корой и прелой листвой. Гвардейцы за спиной примолкли, телега пошла медленнее, объезжая корни.

Кассиан натянул плащ.

— Учитесь, — одобрительно сказал Веллан.

— Стараюсь.

— Пока плохо. Плащ надо было надеть раньше, пока не замёрзли.

— Я не замёрз.

— Замёрзли. Просто не заметили. — Граф поправил поводья. — Это опаснее всего. Когда не замечаешь, что замерзаешь, потом поздно. Так и с врагами. Стоишь себе, беседуешь, а он уже в двух шагах и совершенно не расположен к беседе.

Кассиан подумал, что человек, который всю дорогу говорит такими сентенциями, должен быть невыносим спутником на две недели. И признал, что пока это ему, пожалуй, нравится.

К вечеру, когда солнце село за лес и тракт потемнел, отряд добрался до постоялого двора на перекрёстке. Дом был невелик: два этажа, широкая конюшня, двор, обнесённый низкой изгородью, и вывеска с петухом, нарисованным так, что при желании в нём можно было угадать орла. Хозяин — толстый, краснолицый, в фартуке поверх жилета — выскочил на порог раньше, чем кто-либо успел спешиться, и поклонился так низко, что едва не коснулся головой земли.

— Ваша милость! Граф! Прошу, проходите! Лучшие комнаты для вас, лучшая еда, лучшее вино!

— Вино у вас своё или из Ардэна? — спросил Веллан, слезая с коня.

Хозяин замер с открытым ртом.

— С-своё, ваша милость. Но при желании…

— Своё, — Веллан передал поводья подбежавшему конюху. — Ужин в комнату. И ещё одно: у вас тут за двором овраг. За ним кто-нибудь живёт?

— Живёт, — хозяин заморгал. — Мельник живёт, ваша милость. С семьёй.

— Прекрасно. Значит, не разбойники.

Кассиан оглядел двор: две телеги, пять лошадей, несколько человек у костра, которые при виде господ встали и сняли шапки. Ничего подозрительного. Веллан уже шепнул что-то одному из гвардейцев, и тот направился к конюшне — проверять.

— Осторожность не помешает, — заметил граф, перехватив взгляд Кассиана. — Даже в мирное время. Особенно в мирное время: в военное все и так настороже.

Комната наверху оказалась чистой, хотя и без роскоши: две кровати, стол, два стула, узкое окно во двор и щербатая лампа на подоконнике. Кассиан бросил сумку на пол и сел. Дорога вымотала больше, чем он ожидал; под рёбрами саднило от седла, а в колене поселилась тупая ноющая тяжесть, будто он весь день шёл пешком, а не ехал.

Тим принёс ужин: жареную курицу, хлеб, сыр и кувшин вина. Кассиан поел без аппетита, больше по обязанности — в дороге едят не потому, что хочется, а потому, что завтра снова в дорогу.

Тим, ставя на стол тарелки, едва не уронил поднос — второй раз за день, если считать утро. Первый раз он уронил его во дворе замка, и Кассиан отчётливо видел, как слуга считает в уме, не считается ли второй раз повторением первого, а значит, закономерностью. Веллан, сидевший у окна с бумагами, посмотрел на него. Долго. Внимательно.

— Молодой человек.

— Д-да, ваша милость?

— Вы всегда такой нервный?

— Н-нет, ваша милость. — Тим судорожно сглотнул. — Только когда роняю. Или когда не роняю. Или когда думаю, что могу уронить.

— Понятно. Значит, вы роняете постоянно, но в основном заранее.

Тим моргнул. Кассиан рассмеялся.

— Граф, не пугайте моего слугу.

— Я не пугаю. Я констатирую. Это разные вещи.

— Для него — одинаковые.

— Тогда пусть привыкает, — Веллан вернулся к бумагам. — Война — не место для нервных. И не место для впечатлительных.

Тим побледнел. Кассиан вздохнул и отправил его вниз распорядиться насчёт воды и сена, причём так, чтобы слуга по дороге не перепутал ни того, ни другого. Дверь за ним закрылась; слышно было, как он спускается по лестнице — быстро, перескакивая через ступеньку, и как на середине пути что-то с грохотом покатилось по полу. Кассиан и Веллан переглянулись.

— Впечатлительный, — сказал граф.

— Зато честный, — ответил Кассиан.

Веллан разложил на столе бумаги — списки, выписки, какие-то письма с печатями, — и принялся их перебирать. Иногда что-то записывал в блокнот, иногда хмурился. Кассиан смотрел на него из-под ладони, потом спросил:

— Что-то не так?

— Всё так. Проверяю списки: кого мы встретим в Стоуне, что нужно подписать, о чём спрашивать.

— Вы всегда так готовитесь?

— Всегда. Плохая подготовка — половина поражения. Хорошая подготовка — половина победы. Остальное удача, а её в списки не вписывают. — Граф поднял глаза. — А почему вы спрашиваете?

Он думал об этом весь день — с того момента, как конь вынес его за ворота; вернее, не думал, а откладывал, как откладывают в сторону тяжёлый предмет, который всё равно придётся поднять.

— Граф, что вы знаете о пророчестве?

Бумаги на столе замерли. Веллан очень медленно отложил перо.

— О каком пророчестве?

— О двух душах. Одна спасёт, другая погубит.

Взгляд у графа сделался острым, как лезвие.

— Это старое пророчество, — сказал Веллан. — Очень старое. Оно старше Нордхейма и, пожалуй, старше самого королевства. Записано в «Книге Теней» — сборнике древних текстов, который хранится в библиотеке Тарсийского университета. Большинство считает его выдумкой переписчиков, но некоторые верят, что оно сбудется. В том числе шаманы вельдов.

— А вы?

Граф не ответил сразу. Откинулся на стуле, скрестил руки на груди, посмотрел в окно, за которым уже ничего не было видно, кроме темноты и отражения лампы.

— Я верю, что не всё в мире объясняется логикой, — сказал он. — И что пророчества иногда сбываются. Вот только не так, как их понимают.

— А как их понимают?

— Буквально. Две души — значит, два человека. Один свет, другой тьма, один спасёт, другой погубит. Знаете, сколько раз я слышал эту байку? В Тарсийском университете её разбирают на лекциях. Студенты пишут трактаты, спорят до хрипоты, а потом идут пить и спорят дальше. Мышиная возня.

— Почему?

— Потому что никто не задаёт простого вопроса. — Веллан подался вперёд и поставил палец на стол, будто придавил им мысль. — А что, если две души — это не два человека? Что, если это один человек, в котором борются две сущности? Свет и тьма не снаружи — внутри. И тогда от того, какая победит, зависит не судьба мира. Судьба одного человека. А уже через него — судьба мира, если до этого дойдёт.

Кассиан почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он знал, о чём говорит граф. Знал лучше, чем кто-либо в этой комнате. Две души. Его и Максима: одна из мира, где нет магии, нет вельдов, нет богов, — другая из мира, где всё это есть и ничего не стоит. Что, если пророчество не о двух людях, которые сойдутся когда-нибудь на поле боя? Что, если оно о нём — о мальчишке, который каждую ночь не может решить, кто он: Кассиан Нордхеймский или тень чужой души, случайно задержавшаяся в его теле?

— Вы верите в это? — спросил он, и голос прозвучал ровнее, чем он ожидал.

— Во что именно? В то, что пророчество сбудется?

— В то, что человек сам решает, кем ему быть.

Веллан повернулся к нему всем корпусом. Смотрел, взвешивая, стоит ли говорить дальше.

— В это я верю крепко, — сказал он наконец. — И знаете почему? Я видел людей, которые выбирали. И видел тех, кто не выбирал. Первые умирали свободными. Вторые — рабами, и довольно часто жили дольше. Разница не в судьбе. Разница в решении.

Он сжал подлокотник, и костяшки пальцев побелели.

Кассиан молчал. Слова графа падали тяжело, как камни в воду, и расходились кругами. Он думал о Максиме. О том, как тот сказал в прошлую ночь, ровно и спокойно, будто читал с листа: «Мы не ошибка. Мы — шанс». Тогда Кассиан не понял. Может быть, и сейчас не понимал до конца, но что-то в нём сдвинулось и встало на место, как засов в паз.

— Спасибо, граф.

— За что?

— За то, что не стали меня утешать. — Кассиан усмехнулся. — Мне весь последний месяц говорят, что всё будет хорошо. Вы первый, кто говорит, как есть.

— Лгать легко, — Веллан встал и потянулся к своей постели. — Говорить правду труднее. Но правда полезнее — как еда: не всегда вкусная, зато не отравишься.

Он снял камзол, аккуратно повесил его на спинку стула, поставил сапоги у кровати и добавил, уже гася лампу:

— Честность — единственная монета, которая не обесценивается. Спокойной ночи, ваша милость.

— Спокойной ночи.

Кассиан лёг. Сон пришёл быстро, без обычного провала — просто темнота за спиной разомкнулась и впустила его.

И снова огни.

Они плавали в темноте медленно, как светлячки в тёплом воздухе: далёкие, чужие, живые. Кто-то прошёл между ними — не разобрать кто. Потом появилась она. Девушка с косой через плечо, с луком за спиной, босая, в простой рубахе; стояла и смотрела прямо на него, не приближаясь и не отступая. Лица Кассиан не различал — только глаза, спокойные и внимательные, как у человека, который давно всё про тебя знает и не спешит сообщать.

Она улыбнулась — едва-едва, уголком губ. И исчезла.

«Спи, — сказал голос. Не её. Максима. — Завтра будет длинный день. И не думай о плохом. Думай о том, что можешь сделать.»

Кассиан не ответил. Просто уснул.

Утром отряд выступил с первыми лучами. Дорога пошла через холмы, поросшие вереском; ветер гнал облака низко, но дождя не было, и к полудню распогодилось настолько, что Тим снял с телеги рогожу и уселся поверх мешков, свесив ноги.

Кассиан ехал рядом с Велланом и слушал. Граф оказался рассказчиком редкого свойства: говорил коротко, но так, что за каждой фразой оставался человек — со своими привычками, долгами, обидами и ценой, которую он готов заплатить за то, чтобы обиду не забыли.

— Кстати, — Веллан придержал коня на подъёме. — В Тарнхолле есть одна особа. Дочь коменданта. Лиандра.

— И?

— Она командует лучниками. И не любит столичных.

— Мне-то что?

— Ничего. Просто предупреждаю. — Граф поправил поводья. — Она может стать вам лучшим союзником. Или худшим врагом. Середины у таких людей не бывает.

Кассиан пожал плечами, но имя запомнил. Лиандра. Красивое. И знакомое — так, будто он уже слышал его когда-то: во сне, в чужом сне, в темноте между ними.

— А почему она не любит столичных?

— Потому что столичные приезжают, обещают, а потом уезжают. Обещать недорого. А она остаётся. С вельдами, с войной, с похоронами. Она видела многих и многих похоронила. — Веллан помолчал. — Она не любит тех, кто говорит красиво, а делает мало.

— А я?

— Вы не столичный. Вы сын герцога, и вы здесь. Это уже больше, чем делают некоторые.

Кассиан кивнул, глядя на дорогу. За спиной гвардейцы переговаривались о чём-то своём; кто-то из них, судя по интонации, ставил на то, что в Стоуне их накормят гусями, а кто-то держал пари на кашу.

— А она красивая? — спросил Кассиан.

Веллан посмотрел на него так, что стало ясно: вопрос он ждал и заранее приготовил на него ответ, от которого Кассиану не будет никакой радости.

— Красивая. Но не в том смысле, о котором вы думаете. Она сильная. Это опаснее красоты.

— Почему опаснее?

— Потому что сила не проходит, а красота увядает. Сильная женщина — навсегда. Красивая — на время. Выбирайте с умом.

— Я не выбираю.

— Все выбирают, — сказал Веллан. — Просто не все признаются. Особенно себе.

За спиной кто-то из гвардейцев фыркнул, и стало ясно, что последние пять минут его слушали внимательнее, чем дорогу. Кассиан обернулся. Гвардеец тут же сделал каменное лицо и принялся поправлять седельную сумку.

К полудню на холме показались стены баронства Стоун. Крепость была небольшая — ров, частокол, каменные стены с двумя башнями, — но содержалась в таком порядке, что Кассиан невольно выпрямился в седле. За стенами виднелись крыши, из труб поднимался дым, на валу прохаживались фигурки людей.

У ворот отряд встретил караул — десяток солдат в кожаных доспехах, с копьями и щитами. Старший, молодой сержант с нашивками на рукаве, вышел навстречу и оглядел прибывших без всякого почтения.

— Кто такие?

— Кассиан Нордхеймский, — ответил Кассиан, выезжая вперёд. — Сын герцога. Прибыл для объезда владений. Барон Олдрик ожидает.

Сержант моргнул. Потом вытянулся, уронил копьё, поднял его, вытянулся снова и доложил громко, на весь двор:

— Ваша милость! Прошу прощения, не признал сразу. Барон ждёт вас. Позвольте проводить.

— Проводите, — согласился Кассиан. — И копьё не роняйте, оно вам ещё понадобится.

Ворота открылись. Отряд въехал внутрь; Кассиан оглядывался по сторонам и видел то, что Веллан, судя по лицу, видел уже давно: крепкие стены, чистые дороги, опрятные люди, ни одной дыры в крыше. Чувствовалась рука хозяина — тяжёлая и ровная.

Барон Олдрик встретил их у входа в главный дом. Высокий, широкоплечий старик с седой бородой и шрамом через левую щёку; глаза острые, внимательные, взгляд тяжёлый, как намокшая шерсть. Он оглядел Кассиана с ног до головы, потом перевёл взгляд на Веллана.

— Граф, — кивнул он. — Давно не виделись.

— Барон, — Веллан склонил голову ровно настолько, насколько было нужно. — Ты всё такой же.

— А ты всё такой же зануда.

Старики обменялись улыбками, и Кассиан понял: они знакомы давно, и знакомы хорошо — настолько, что могут позволить друг другу правду.

— Ваша милость, — барон повернулся к нему. — Добро пожаловать в Стоун. Я ожидал вашего брата. Но раз приехали вы — значит, так надо.

— Благодарю за гостеприимство, барон. Мой брат отправился в столицу с отцом. Я представляю герцогскую власть.

— Знаю, — Олдрик хмыкнул. — Слухи у нас доходят быстро, быстрее гонцов. Говорят, вы сами попросили об этой поездке?

— Попросил.

Барон оглядел его ещё раз — не спеша, будто прикидывал, чего стоит этот мальчик без титула и что с ним будет, когда дело дойдёт до настоящего.

— Что ж, — сказал он наконец. — Тогда прошу в дом. Ужин готов, разговоры ждут.

Ужин был сытным и без излишеств: густая похлёбка с мясом, печёный хлеб, пирог с репой, кувшин вина, к которому барон приложился первым. Роскоши он не любил — это Кассиан понял ещё до того, как сел за стол: серебра на скатерти не было, слуги ходили в простом сукне, и никто из них не смотрел в пол.

За столом говорили о делах: налоги, урожай, состояние дорог, набеги вельдов, цены на соль в Ардэне. Олдрик отвечал кратко и по существу, без единого лишнего слова, и по тому, как он держал вилку, было видно: человек привык распоряжаться и не привык разбрасываться.

Кассиан слушал и задавал вопросы. Не все из них были удобными.

— Сколько у вас людей в крепости?

— Двести двадцать. Из них девяносто могут держать оружие, остальные — старики и мальчишки.

— Продовольствия на сколько хватит, если начнётся осада?

— На два месяца. Если не считать сена.

— А с сеном?

— На полтора.

— Сено для лошадей или на растопку?

— Для лошадей, — сказал Олдрик. — Но если прижмёт, лошади поймут.

Барон хмурился, но отвечал. Веллан молчал, наблюдая за обоими, и по его лицу понять было решительно нечего.

— Вам не кажется странным, — спросил Олдрик, когда подали пирог, — что сын герцога интересуется сеном больше, чем охотой?

— Я интересуюсь тем, что потом придётся держать в руках, — сказал Кассиан. — Охота держится сама.

Старик посмотрел на него долго, потом отломил кусок пирога и ничего не ответил. Но когда служанка вышла, он велел подать в кабинет вторую свечу.

Кабинет был маленький: стол, два кресла, карта на стене, узкая кровать в углу — видно, барон частенько здесь и засыпал. Олдрик налил себе вина, предложил гостю; Кассиан отказался.

— Не пьёте?

— Редко.

— И правильно. Пьяницы — плохие правители, а трезвенники — плохие собутыльники. В старости важно, чтобы за столом кто-то был.

— Тогда я буду плохим собутыльником, — сказал Кассиан. — Зато с сеном у меня будет порядок.

— Вот на этом и сойдёмся. — Барон сел, отпил и поставил чашу. — Значит, Тарнхолл.

— Последний пункт.

— Слышал, вельды шевелятся. Бьорн собирает племена.

— Отец говорил.

— Ваш отец — умный человек. Но он далеко, а Тарнхолл — близко. — Олдрик покачал чашу, глядя, как вино ходит по кругу. — Если Бьорн ударит, крепость примет первый удар. И вся тяжесть ляжет не на герцога. На тех, кто там будет стоять.

— Вы верите, что он ударит?

Барон молчал, глядя не на Кассиана, а в окно, за которым темнело небо; свеча успела оплыть.

— Я верю, что вельды не идиоты, — ответил он наконец. — И Бьорн не идиот, за это его у себя и держат. Он видит: в столице делят кресло, а граница стоит на четырёх крепостях и на том, что мы ещё не разбежались. Ударит он не туда, где сильнее, а туда, где скорее треснет. Вопрос не в том, будет ли война. Вопрос в том, когда.

— И что тогда?

— Тогда Тарнхолл обязан выстоять. — Барон повернулся и посмотрел Кассиану прямо в глаза. — Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю.

— Нет. Не понимаете. — Олдрик подался вперёд, и в голосе впервые появился жар. — Тарнхолл — не просто крепость, мальчик. Это замóк на дверях. Пока он стоит, вельды топчутся у порога. Как только он падёт — падёт весь юго-запад: деревни, города, вассальные замки, один за другим, потому что ни один из них не удержится сам. Они пойдут дальше. До самого Нордхейма. А потом и до столицы, если там к тому времени не перестанут делить кресло отца. — Он отпил ещё. — И тогда всё, что ваш род строил триста лет, развалится за одну зиму.

Кассиан молчал. Слова были жестокие, но не сказали ему ничего нового. Он это понимал ещё в замке, когда читал перечень поручений. Просто не хотел произносить вслух — а вслух оно звучало куда хуже, чем про себя.

— Что вы предлагаете? — спросил он.

— Укрепить Тарнхолл. Усилить гарнизон, заготовить припасы, починить западную стену, пока она не починила себя сама, — и молиться, чтобы этого хватило.

— Молиться?

— Я старый солдат, ваша милость. Я видел много сражений и знаю: без удачи не побеждает никто. Удача — единственное, чего мы не контролируем. Но можем подготовиться так, чтобы, когда она отвернётся, у нас остались другие козыри.

Кассиан кивнул. Медленно, обдумывая каждое слово, будто примерял их к тому, что ему предстояло.

— Спасибо, барон.

— За что?

— За счёт. — Кассиан кивнул на его выкладки. — Мне до вас всё говорили, что всё обойдётся.

Олдрик хмыкнул и поставил чашу.

— Это в наше время редкость. Все хотят понравиться, все хотят что-то получить. А я стар, мне получать нечего, вот и говорю как есть.

— Ценю.

Барон поднялся и протянул руку. Кассиан пожал её — крепко, по-мужски, — и почувствовал, что ладонь у старика жёсткая, как доска.

— Удачи, ваша милость, — сказал Олдрик. — Она вам понадобится.

— Знаю.

В комнате, которую ему отвели, ждал Тим. Он уже разложил постель, развесил рубашку на спинке стула и стоял у окна с таким видом, будто всё это время репетировал разговор.

— Господин, как вам барон?

— Суровый, — Кассиан сел на кровать и принялся стаскивать сапоги. — Но справедливый.

— Говорят, он в жизни не проиграл ни одного сражения.

— Значит, есть чему поучиться.

— А ещё говорят, — Тим понизил голос до шёпота, будто барон мог слышать через две стены, — что он однажды приказал высечь собственного сына за то, что тот опоздал на построение.

Кассиан обернулся.

— За опоздание?

— За опоздание, господин.

— И что сын?

— Служит. — Тим сглотнул. — Говорят, очень хороший офицер. Но на построения приходит заранее.

— Учти это, — сказал Кассиан. — На всякий случай.

Тим побледнел и принялся гасить свечу с такой осторожностью, будто от этого зависела его дальнейшая служба.

Сон пришёл быстро. В этот раз без темноты, без провала — просто сомкнулись глаза, и он уже был там.

Она стояла на крепостной стене. Коса через плечо, лук за спиной, босая; снизу, из двора, её нельзя было бы разглядеть, но Кассиан смотрел не снизу. Он смотрел как-то иначе — откуда-то из воздуха, откуда-то сразу со всех сторон, как смотрят во сне. Она повернула голову, нашла его взглядом и улыбнулась.

— Кто ты? — спросил он.

Ответа не было. Только ветер, которого он не чувствовал, и стена, которой он никогда не видел: высокая, старая, с одной башней и проломом слева.

Девушка исчезла. Кассиан остался один — и проснулся.

Он лежал в темноте, глядя в потолок, пока глаза не привыкли и потолок не проявился: балки, паутина в углу, серый прямоугольник окна. Вопрос остался без ответа, и это раздражало сильнее, чем сам сон.

Проснулся он от того, что Тим тряс его за плечо: граф Веллан уже ждал внизу.

Кассиан оделся, спустился. Веллан стоял у окна в общей зале, глядя на рассвет; на столе перед ним лежали две чашки и кувшин с водой. Обернулся он не сразу.

— До Ардэна три дня пути. Два, если не жалеть лошадей. — Он сел и придвинул Кассиану вторую чашку. — Дорога спокойная, гвардейцы у вас толковые, я их вчера посмотрел. Другое дело — Хэмиш. С ним говорите прямо и не позволяйте себя обнимать. Такие люди обнимаются, чтобы потом сказать, что вы сами пришли.

— А если он всё-таки попробует обнять?

— Тогда отстранитесь, — Веллан отпил воды. — Вежливо. Как отстраняются от навоза на дороге: не оскорбляя, но и не наступая.

— Я запомню.

— Запомните. И ещё одно. — Граф поставил чашку, и лицо у него стало суше обычного. — В Ардэне держите глаза открытыми. Город большой, а большой город — это не стены, это слухи. Там половина людей живёт с чужих голосов.

Он вышел во двор. Уголёк уже стоял осёдланный и косил на него глазом — мол, сколько можно ждать. Гвардейцы проверяли сбрую, Тим укладывал последние мешки, боясь дышать на них, чтобы не уронить. У ворот ждал сержант с копьём — тем самым, которое вчера ронял, — и делал вид, что стоит здесь совершенно случайно.

Дорога ждала.

А где-то в глубине, тихо, едва слышно, Максим сказал:

— Ты видел её. Девушку. Во сне.

«Видел.»

— Кто она?

«Не знаю. Но узнаю. Скоро.»

— Будь осторожен. Иногда сны — это не просто сны.

«Знаю.»

— Тогда вперёд.

«Вперёд.»

Глава 3. Ардэн и тени

Ардэн показался на третий день, к полудню. Сперва — дым: серое дыхание над гребнем холма, ленивое, безветренное. Потом — бурая нитка стены в низине. И только потом сам город, распластанный по долине от края до края.

Кассиан придержал Уголька на взгорке. Конь потянулся к траве у обочины, Кассиан не дал, натянул повод — Уголёк мотнул головой с таким видом, будто ему всю дорогу не давали заниматься единственным стоящим делом. Внизу за стеной лежало столько крыш, что глаз не находил, где кончается город и начинаются предместья: черепица, солома, дым, дым, дым. К воротам сходились четыре дороги, и по каждой ползли телеги, повозки, караваны, крестьянские сани без снега, просто сани, на которых зимой возят дрова, а летом — что попало.

— Что скажете? — Веллан поравнялся с ним и остановил своего мерина. — Какое впечатление?

— Пока не решил. Дымно.

— Дымно, — согласился граф. — И это, заметьте, лучшее, что можно сказать о городе издалека. Ближе будет хуже: рыба, кожа, конский навоз и люди, которые не мылись с осени.

— Вы меня отговариваете?

— Предупреждаю. Граф Веллан путает эти вещи всю жизнь.

Он сказал это ровно тем же голосом, каким в Стоуне читал по карте. Кассиан усмехнулся: за десять дней дороги он привык к манере графа — сначала дело, потом фраза, которую можно принять за шутку, и короткий взгляд, понял ли собеседник. Кассиан понимал. Веллана это, кажется, устраивало.

— Сколько здесь живёт?

— Считают по-разному. Магистрат говорит десять тысяч, потому что с горожан берут подать. Церковь говорит двадцать, потому что с двадцати больше пожертвований. Я думаю, тысяч пятнадцать, если считать предместья.

— А в Нордхейме?

— Две тысячи. С деревнями две с половиной.

— По званию Ардэн второй в герцогстве, по богатству первый. Через него идут шёлк, стекло и краски из Тарсии, а обратно — мех и воск. Здесь можно купить всё, от иголки до драконьей чешуи, если есть чем платить.

— А если нет?

— Тогда довольствуются зрелищами. Театр, ипподром, четыре храма Творца, из которых два недостроены с прошлой войны. И…

Он замолчал.

— И?

— И, говорят, подпольные бои без правил. Кулаки, палки, иногда ножи. Ставки, разумеется. — Веллан поправил повод, не изменившись в лице. — Вам туда не нужно.

— А вам?

— Я стар для этого. Хожу только туда, где можно проиграть деньги, но нельзя потерять зубы.

Кассиан хмыкнул и тронул коня.

Отряд въехал в главные ворота — и застрял. Впереди, на мосту через ров, стояла телега с сеном, а на ней сидел мужик и объяснял стражнику, почему сено не товар, а подарок брату, и потому пошлине не подлежит. Стражник объяснял обратное. Оба держались за телегу, будто она была одна на весь мир. Десятник с синей нашивкой на рукаве заметил герб Нордхейма, побледнел, заорал на мужика так, что тот слетел с сена, и подбежал к Кассиану.

— Ваша милость! Наместник барон Хэмиш ждёт вас в ратуше. Позвольте проводить?

— Проводи. И мужика с сеном пропусти, он тут дольше нас.

Стражник моргнул, но приказ есть приказ: телегу пропустили, мужик поехал, оглядываясь, и всю дорогу до рынка придерживал сено рукой, будто кто-то мог его отнять.

Улицы оказались узкими и мощёными, дома в два и три этажа, с черепицей и резными балконами, на первых этажах лавки, мастерские, таверны. Народ сновал мимо, не глядя на всадников, и всё-таки Кассиан ловил взгляды: любопытные, оценивающие, иногда настороженные. Сын герцога? Зачем приехал? Что ему тут надо? В третьем окне от угла чья-то женщина отодвинула занавеску, посмотрела и задернула обратно; из таверны пахнуло варёной репой и пивом. Сержант, ехавший слева, уронил копьё — то самое, стоунское, — и поймал его у самого камня, сделав вид, что просто поправлял ремень. Тим на телеге чуть не задавил курицу, курица орала, Тим оправдывался, курица не слушала.

И тут среди толпы, среди лиц, среди движения — она.

Коса. Тёмная, тугая, перекинутая через плечо. Девушка обернулась, посмотрела прямо на него, и в её взгляде не было ни любопытства, ни страха, только спокойное узнавание, будто она ждала его здесь и уже видела раньше. Кассиан хотел окликнуть, поднял руку. Не успел. Она шагнула за угол дома, и толпа сомкнулась.

Кассиан замер. Сердце ударило и осталось где-то в горле.

— Ваша милость? — окликнул Веллан. — Всё в порядке?

— Да. Показалось.

— Что показалось?

— Ничего. Едем.

Веллан посмотрел на него, но переспрашивать не стал. Только тронул мерина и поехал рядом, чуть ближе, чем раньше, и до самой ратуши не спускал глаз с улицы.

Ратуша стояла на центральной площади: три этажа камня, колонны у входа, часы на башне. Часы, судя по тому, как на них косились прохожие, показывали что хотели.

Барон Хэмиш вышел встречать их сам, и Кассиан ещё из седла понял: этот человек тратит на одежду больше, чем на всё остальное. Бархатный камзол, золотые перстни на обеих руках, шёлковый шарф, заколотый брошью с крупным камнем. Всё это сидело на нём криво, будто было взято напрокат и подобрано не по нему, а по чьему-то рассказу о нём.

— Ваша милость! — Хэмиш поклонился так низко, что едва не коснулся пола подолом камзола. — Какая честь! Какая неожиданная честь!

— Барон, — Кассиан кивнул. — Благодарю за гостеприимство.

— Что вы, что вы! Для сына герцога — всё, что угодно! Прошу, проходите. Ужин готов, комнаты приготовлены. Мы готовились каждый день!

— Каждый день?

— Каждый! — Хэмиш прижал руку к груди.

— И давно вы готовитесь?

— С тех пор, как узнали о вашем приезде. Три недели. Может, четыре.

— И всё это время каждый день?

— Каждый, ваша милость. Клянусь.

— Тогда куда девается еда? — спросил Кассиан, входя. — Каждый день ужин, и никого. Странно, что вы ещё не разорились.

Хэмиш открыл рот, закрыл, потом засмеялся — коротко, с задержкой, будто смех ему подали отдельно и он позабыл, куда его вставлять. Слуги у стены вежливо смотрели в пол. Один молодой, с кувшином в руках, не удержался: фыркнул, получил локтем от старшего и вытянулся.

— Прошу, проходите, — засуетился Хэмиш, разгоняя их руками. — Всё для вас. Всё самое лучшее.

Внутри ратуша была богаче улицы, и богатство это лежало тяжело: ковры поверх ковров, позолоченная мебель, гобелены с битвами, в которых Кассиан, знавший историю герцогства, ни одной не узнал. Слуги вынесли вино, фрукты, сладости. Кассиан от всего отказался вежливо, Веллан и не думал отказываться, но и не притронулся; гвардейцы встали у стены и стояли, как изваяния, только тот, что ронял копьё, украдкой посмотрел на поднос.

— Барон, — сказал Кассиан. — У меня к вам несколько вопросов. По налогам, по торговле, по дорогам.

— Конечно, конечно! Всё покажу, всё расскажу. Может, сперва отдохнёте с дороги? С морозца — да к печке?

— Отдохну после. Дела важнее.

— Как скажете, как скажете.

Хэмиш провёл их в кабинет. Здесь выяснилось, что бумаги он любит той же любовью, что одежду: их было много, они лежали в стопках, свитками, под прессом, и он начал листать, говорить и перескакивать с налога на дороги, с дорог на недоимки, с недоимок на то, как трудно стало с тарсийскими купцами. Кассиан слушал и не перебивал — просто ждал, пока наместник выдохнется. Веллан сидел сбоку и делал пометки в блокноте: не то чтобы ему было что записывать, но перо в руке заставляло Хэмиша нервничать сильнее любых вопросов.

— Барон, — сказал наконец Кассиан. — У вас в городе есть проблемы с вельдами?

Хэмиш замер.

Ровно на один удар сердца — но Кассиан этот удар поймал. Потом лицо наместника снова сложилось в улыбку, на этот раз чуть шире прежней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.